

— Сын мой, как же ты можешь быть так жесток к своей матери, заставляя меня, старуху, хоронить собственного ребенка...

Женщина, которая до этого надрывно рыдала, при этих словах внезапно замолкла. Она подняла голову и, увидев, что перед ней стоит всего лишь какой-то паренек, снова залилась слезами, которые потекли по её щекам, как бусины из порвавшейся нити.

— Какой-то муж берется лечить того, от кого отказался сам лекарь Чжан! Смехота, да и только!

— Это еще ладно, а вот если бы он был не замужем, то, независимо от исхода, мог бы выйти за того, кто лежит на носилках. Но сейчас это звучит крайне двусмысленно!

Е Фаньсин еще даже не приступил к осмотру, а вокруг уже поползли грязные сплетни. Конечно, нашлись и те, кто решил его предостеречь.

— Послушайте, уважаемый, вы хоть знаете, что лекарь Чжан — самый авторитетный врач в нашем городке Чидин?

— Молодой человек, я вижу, что вы разбираетесь в травах, но знание трав — это не врачевание. Не стоит брать на себя лишнее, ведь если что случится, вас под суд отдадут.

Даже юный ученик, который встречал Е Фаньсина в аптеке, поспешил его отговорить.

Муж! Опять этот муж! Е Фаньсин был в полном недоумении. Хотя он и был омегой, одевался он как обычный мужчина, так почему же все вокруг с первого взгляда распознают в нем супруга?

В прошлой жизни его превозносили за врачебное мастерство. И хотя в итоге он погиб и переродился, никто и никогда не смел ставить под сомнение его навыки. Должно быть, всё дело в этом проклятом статусе омеги.

— Я могу его вылечить. Раз вы мне не верите, я докажу это на деле.

Сказав это, Е Фаньсин посмотрел на женщину с покрасневшими от слез глазами, внимательно оглядел её и произнес:

— Уважаемая, скажите, не мучает ли вас сухость во рту, не испытываете ли вы жажду, не бросает ли вас в жар и не чувствуете ли вы тревогу в груди?

Увидев, что Е Фаньсин взялся за дело со знанием дела, толпа снова зашумела.

Один из книжников, тех самых, что принесли носилки, шагнул вперед. Он подошел ближе, поигрывая веером, и с напускным высокомерием спросил:

— Ну, раз ты такой знаток, посмотри, чем болен я?

Е Фаньсин мельком глянул на него: землистый цвет лица, желтоватые белки глаз, бледные губы, дрожащие пальцы — плюс это жеманное поведение. Типичный случай истощения от распутства. Е Фаньсин решил проявить милосердие и пощадить его самолюбие.

— Сейчас ты здоров. Но если продолжишь жить в том же духе, скоро заболеешь.

Книжник смущенно спрятал веер и хотел было спросить что-то еще, но его спутники поспешили оттащить его в сторону.

— Молодой человек, вы правда сможете спасти моего сына? — Женщина, проигнорировав вопрос о своем здоровье, с надеждой посмотрела на Е Фаньсина.

— Да. Плата за визит — пять лямов серебра. Согласны?

Е Фаньсин сохранял невозмутимый вид, хотя внутри у него всё сжималось. Он лишь молил небо, чтобы женщина поскорее согласилась: тогда у него появятся деньги, чтобы купить всё, что он задумал.

— Пять лямов? Так много?

— И не говорите! Еще неизвестно, вылечит ли, а уже такие деньги требует...

— Нет в нем врачебного милосердия. Наверняка у него и сердце черное.

— Спасать будем или нет?

Е Фаньсин пропустил колкости мимо ушей, не сводя глаз с женщины. Тем временем стоявший рядом Чжан Жэньцзин тоже посчитал цену чрезмерной. Но, взглянув на больного, а затем на решительного Е Фаньсина, подумал: разве пять лямов — это дорого за человеческую жизнь?

— Говорят, дети — опора в старости. Вы действительно хотите, чтобы вас хоронили собственные дети? — продолжал давить Е Фаньсин.

Эти слова били прямо в сердце. Толпа замерла в нерешительности.

— Да или нет? Говорите быстрее, у меня есть другие дела.

Увидев, что женщина колеблется, Е Фаньсин не удержался от того, чтобы поторопить её. Женщина окинула взглядом паренька: одет в простую грубую ткань, высокий, худой, выглядит изможденным, но в его темных глазах — ни радости, ни печали, лишь твердая решимость. Лекарь Чжан уже сказал, что сыну осталось только ждать смерти, так почему бы не дать шанс этому юноше?

Женщина вытерла слезы и, стиснув зубы, произнесла:

— Прошу вас, спасите его.

Ученик оказался сообразительным: он тут же достал платок и накрыл запястье больного. Е Фаньсин удовлетворенно улыбнулся. Диагноз подтвердился: это была малярия. Пульс был ровным, без напряжения, больного мучил жар без озноба, ломота в суставах и тошнота. Идеально подходил отвар Байху с корицей.

— Корень анемаррены — шесть лямов, солодка — два ляма, гипс — один цзинь, клейкий рис — две меры... — Е Фаньсин начал диктовать рецепт, а ученик проворно собирал травы.

Когда список был закончен, Чжан Жэньцзин понял, что больного действительно можно спасти. Однако он засомневался, стоит ли ему браться за иглоукалывание: это искусство всегда было уделом врачебных династий, а он знал лишь основы. А вдруг промахнется?

Пока он колебался, кто-то из толпы выкрикнул:

— Оказывается, он может только наполовину вылечить! А остальное должен делать лекарь Чжан. Но если больной умрет, кто ответит? А если выживет, не поделить ли гонорар пополам?

Е Фаньсин обернулся: это был один из тех книжников. Он склонил голову набок, делая вид, что слова вылетели не из его уст. Эти слова вновь посеяли сомнения в толпе, и даже мать больного заколебалась.

Е Фаньсин, представив, как пять лямов уплывают из рук, почувствовал прилив ярости. Его осенило:

— Прошу всех присутствующих стать свидетелями. Я готов подписать договор на жизнь и смерть. Он выживет — и я буду жить. Иначе — поступайте со мной как пожелаете.

— Ого!

— Договор на жизнь и смерть? Впервые вижу, чтобы врач подписывал такое с семьей пациента!

— Чудеса случаются, но сегодня их особенно много!

Мать хотела что-то сказать, но книжник снова вмешался:

— Пустые слова! Как нам верить? Где доказательства? И кто знает, настоящее ли это имя!

— Верно, верно!

Чжан Жэньцзин понял, что провокатор метит в его Зал Сохранения Гармонии. В любом случае, он уже втянут в эту историю. К счастью, этот юноша оказался мастером.

В наступившей тишине раздался твердый голос:

— Я, Чжан Жэньцзин, практикую здесь уже тридцать пять лет. Если я не смогу вылечить этого человека, я готов заплатить собственной жизнью.

С этими словами он продемонстрировал всем уже написанный и подписанный документ.

— Теперь вы довольны?

Он с презрением окинул толпу взглядом, поправил халат и решительно подошел к Е Фаньсину:

— Куда ставить иглы?

Толпа, окружившая Зал Сохранения Гармонии, затихла. Книжник, видя, что план провалился, кивнул одному из своих, и тот быстро исчез в толпе.

Е Фаньсин низко поклонился Чжан Жэньцзину:

— Я не подведу вашего доверия.

Он уже собирался продиктовать точки для иглоукалывания, как вдруг снаружи раздался надменный голос:

— Слышал, братец Чжан, у тебя сегодня появился юный мастер, способный исцелять от тяжелых недугов? Не представишь ли и мне этого человека?

<http://bllate.org/book/22475/2366689>